

СЛАВА... Памяти друга

Утром 6 июня в моей квартире раздался звонок. В трубке — голос Нины Стефановой: «Умер Слава...». Слава, Вячеслав Михайлович Морозов, умер, находясь в разведке в деревне Согом под Ханты-Мансийском. В задачи разведки входило и уточнение некоторых данных для нашей будущей совместной книги о раскопках городища Стариков Мыс...

Со Славой я познакомился в 1970 году. Тогда я копал вместе с Тамарой Чебаковой алакульское поселение Мирный IV на юге Челябинской области. В августе в лагерь прибыла смена студентов-первокурсников, среди которых были Лида Потапова (Баранова), Шурик Шорин (ныне — заместитель директора Института истории и археологии УрО РАН) и Слава Морозов, успевший до этого покопать на Зуевых Ключах. Это была веселая компания, не знавшая удержу в своих хохмах. Потом была разведка на юге Челябинской области, и многое в ней было определено легкостью Славинаго характера. Уже после его смерти, разбирая свой фотоархив, я нашел пленки тех лет, и на многих кадрах был улыбающийся Слава, или его многочисленные розыгрыши...

В 1971 году он был среди тех, кто открывал Барсову Гору в Ханты-Мансийском округе. В воспоминаниях моей жены (она тоже была в том году на Барсовой Горе) часто можно было услышать: «Славка, такой-сякой...», и шли рассказы о его проделках. В 1972 году он, будучи уже «ветераном» Сургута, снова принимал участие в работах на Барсовой Горе. Им были заложены раскопы на пяти городищах и выполнена разведка вдоль береговой зоны в восточной части урочища. Одно из городищ — Барсов городок I/4 — оказалось с мощным, более 1 м, культурным слоем и сложной стратиграфией, отражавшей многочисленные перестройки на нем (этот памятник мы хотели публиковать вместе, увы, его огромную коллекцию теперь придется обрабатывать одному). Иногда мы, начальники раскопов, собирались на этом городище, устраивая своеобразные полевые семинары. Нередко ими руководил В. Ф. Генинг. Однако даже ему не всегда было все понятно — мы еще только осваивали специфику формирования культурного слоя в подзолистых почвах Сургутского Приобья. Но, просматривая сегодня отчеты студента 3-го курса В. Морозова, я понимаю, что Славе удалось отметить многое, что позволит реконструировать вскрытые им объекты. А тогда нас ждала холодная осень. Заканчивался полевой сезон, студенты вернулись к началу занятий, а у меня оставался еще большой фронт работ — по договору необходимо было завершить раскопки двуслойного городища, на месте которого должны были построить школу. Оставалось много участков, доведенных почти до материка, и много незарисованных профилей. Из всего большого отряда нас осталось двое — я, только что окончивший университет, и Слава.

Мы жили в балке — вагончике с конвектором, позволявшим не замерзать по ночам. Работали до тех пор, пока я мог что-то различать на зачистке и рисовать. Слава в основном «стоял» на лопате, но работал так быстро, что я едва успевал фиксировать. Потом мы возвращались в балок и готовили, преимущественно, манную кашу. Варили столько, чтобы хватало и на завтра, остатки оставляли на конвекторе. Утром в темноте съедали еще чуть теплую кашу и с восходом солнца выходили на раскоп. Обедали в столовой, и после обеда так хотелось расслабиться, но Слава уже через полчаса бежал на раскоп. Мне ничего не оставалось, как следовать за ним.

Вот так, подчас в экстремальных условиях, и рождалась наша дружба. Потом мы возглавляли разные отряды, он в основном работал в Нижнем Приобье, я остался на Барсовой Горе, потом обосновался на Большом Югане. Но порой время нас сводило — то я копал в его экспедиции (на Стариковом Мысу под Ханты-Мансийском), то он в моей (на той же Барсовой Горе). Перед глазами картинка: вечер, сумерки, и Слава в свете костра что-то пишет в полевом дневнике. Таких дневников у него, наверное, больше, чем полевых сезонов. Слава был неуправляем в работе. Каждый из тех, кто был с ним в поле, может вспомнить ситуации, вроде: вертолет заходит на посадку, отряд сидит на рюкзаках, а Слава берет лопату и идет консервировать раскоп (копать шурф, и т. п.).

Наша работа рождала совместные проекты, в ходе которых были и споры, иногда довольно резкие, и даже ссоры. Но проходило немного времени, и мы снова были вместе. Снова склонялись над коллекциями, обсуждали какие-то проблемы, строили новые планы или ударялись в воспоминания, сидя за кружкой чая. Мы и диссертации защищали вместе в 1994 году в Ижевске — спасибо Римме Дмитриевне Голдиной, что подвигла нас на это. А значит, в одно время писали работы, готовили документы, вместе преодолевали предзащитные, защитные и постзащитные проблемы и препятствия.

С именем Славы связано многое в стирании белых пятен в древней истории севера Западной Сибири и Урала. Он был среди создателей новой схемы средневекового культурогенеза на территории Сургутского и Нижнего Приобья. Им открыты сотни и исследованы десятки памятников в Ханты-Мансийском автономном округе, причем памятников, находившихся на грани уничтожения — большинство его раскопок носило охранной характер, и сегодня многие из тех объектов уже не существуют. Им написано много статей, он — соавтор нескольких коллективных монографий. Без преувеличения, он был одним из крупнейших знатоков средневековой археологии севера Западной Сибири, и его уход в расцвете творческих сил — невосполнимая потеря, и не только для науки, но и в деле охраны культурного наследия.

Слава был очень светлым человеком, душой многих компаний. Он легко чувствовал себя в любом окружении, и среди рабочих, в поле или походах, и в окружении коллег, на конференциях. В 2004 году Слава женился, а в сентябре 2006-го у него родился Валерик. Надо было видеть его с сыном, как светилось его лицо! Тяжело осознавать, что два года Валерику исполнилось уже без отца.

В этом году мы со Славой должны были завершить работу над публикацией материалов Старикова Мыса. Летом должны были снова вместе работать на Барсовой Горе. Перед его отъездом в разведку мы отметили его 61-й день рождения, обсудили ближайшие перспективы. У него были огромные планы на лето: разведка в районе деревни Согом недалеко от устья Иртыша, раскопки городища под Лянтормом и поселения под Пелымом, участие в работах на Барсовой Горе, экспертизы в Ханты-Мансийском округе. Осенью он должен был завершить свои разделы в двух коллективных монографиях: по Нижнему Озеру III и Стариковому Мысу, ряд статей. Не верится, что теперь все это будет уже без него или не будет никогда. Он не берег себя, хотя уже несколько лет назад у него случились первые перебои с сердцем. Его душа по-прежнему была молода, и он верил, что может все, как много лет назад... Он носил рюкзаки, за которыми его не было видно, хотя, наверное, ему вообще нельзя было поднимать тяжести. И в этом он был не прав.

Он не должен был уходить...

Ю. Чемякин